

ПОСЛЕДНИЙ ЛОТ

Вещи Филина

Эдуард Подвербный

Эдуард Подвербный

Последний Лот. Вещи Филина

<https://litres.ru/74005048>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что вы найдёте в старом гараже на окраине? Старые вещи былых времён, забытые своими владельцами. Бывший психолог и начинающий перекупщик, рассчитывал именно на это, когда поднял руку на аукционе. Обычный гаражный бокс, доставшийся от умершего старика.

Старик по прозвищу Филин всю жизнь что-то сюда носил. Коробки, ящики, свёртки. Местный управляющий годами гадал: что же там? Филин умер, унеся с собой эту тайну.

Теперь гараж принадлежит Мирославу. Ему предстоит разобрать каждую полку, каждый пыльный угол. Потому что вещи - не из этого мира. Они из сказок. Из мифов. Из историй, которые вы слышали в детстве и считали выдумкой.

Вот только у каждой вещи есть правила. И цена. А у некоторых — ещё и собственное мнение о том, кто здесь хозяин.

«Последний Лот. Вещи Филина» — городское фэнтези о магии, которая прячется не в старинных замках, а в советском гаражном кооперативе. О человеке, который искал выгоду, а нашёл наследие. И о том, что некоторые находки лучше не трогать. Но кто же удержится?

Содержание

Пролог. Филин	4
Глава 1. Лот Номер 24	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Подвербный

Последний Лот.

Вещи Филина

Пролог. Филин

Вениамин Захарович Светин проснулся в половине шестого утра. В последние года он просыпался так постоянно. За окном темнело — октябрь только начинал вступать в права, и рассвет не торопился. Он полежал минуту, глядя в потолок, по которому пробежали отсветы редких фар с пустынной дороги, затем сел, опустил ноги на холодный пол и нащупал тапочки.

Сегодня был вторник. По вторникам он всегда ездил в свой гараж.

Он пил кофе. Пил долго, смакуя, глядя в одну точку в окне. На стене висела фотография — он сам, молодой, в белом халате, на фоне музейных стеллажей. Рядом — коллеги, чьих фамилий он уже давно не помнил. Снимок выцвел, но Вениамин Захарович не менял рамку уже сорок лет. Не потому, что дорожил памятью о том времени. Просто руки не доходили.

Телефон на его тумбочке мигнул уведомлением — кто-

то что-то написал в мессенджере. Светин не глядя перевернул аппарат экраном вниз. За сорок лет до пенсии он отлично освоил реставрационное дело, но за десять лет на пенсии так и не подружился с гаджетами. Телефон у него был сенсорный, самый простой, как дверной гвоздь. Уведомление — скорее всего, реклама или уведомление о звонке подозрительного номера. Спам.

В семь часов — он вышел из дома.

Путь до гаражного кооператива «Рассвет» занимал полчаса пешком. Когда-то он ездил на трамвае, когда-то на автобусе, бывало, ходил пешком — маршруты менялись, а привычка ходить пешком — брала над ним верх гораздо чаще. Он шёл не спеша, держа спину неестественно прямо для своих семидесяти трёх лет. Жильцы его дома, попадавшиеся на встречу, кивали с опаской — кто это такой? Местный, не местный? Да, местный! Просто чужой для всех.

Добравшись до кооператива, ворота были уже открыты. Степан Глебович Кротов, управляющий данным местом, возился у своей сторожки — чинил покосившуюся дверную петлю. Увидев Светина, он выпрямился и проводил его долгим взглядом. Вениамин Захарович кивнул ему сухо и пошёл дальше.

Кротов ничего не сказал. Он уже привык к загадочному старику. Этот старик ходит — и пусть ходит. Платит исправно, мусора не оставляет, скандалов не устраивает. Идеальный арендатор. Если бы не одно «но»: Кротов никак не мог

понять, что именно этот арендатор носит в свой гараж уже двадцать с лишним лет.

Сегодня Светин нёс свёрток. Небольшой, в плотной коричневой бумаге, перевязанный бечёвкой. Кротов заметил свёрток сразу — зрение у него было отличное, несмотря на возраст. Он сделал вид, что увлечён петлёй, а сам косил глаза на старика. Светин прижимал свёрток к груди, словно младенца. Что же там? Опять какая-нибудь рухлядь с блошиного рынка? Или «антиквариат» из интернета? Кротов однажды видел, как Светин разглядывал сайт аукциона на своём допотопном телефоне — старик сидел на лавочке у ворот и близоруко щурился в крошечный экран. Выглядело это нелепо, почти трогательно.

Кротов хмыкнул и вернулся к работе.

Гаражный бокс номер 24 стоял в дальнем ряду. Вениамин Захарович открыл замок — старый, навесной, с тугой дужкой — и потянул створку. Внутри пахло деревом, старым металлом и чем-то ещё. Этот запах нельзя было передать словами. Светин называл его про себя «запахом ожидания».

Он вошёл и закрыл дверь изнутри.

Свет он не включил — под потолком висела голая лампочка на шнуре, но утро было пасмурным, и глазам хватало того, что пробивалось сквозь узкое запылённое окошко. Гараж был заставлен до отказа, однако в нём царил порядок. Вениамин Захарович не терпел хаоса. Каждая вещь знала своё место.

Слева, на стеллаже из старых досок, покоились коробки. Картонные, фанерные, одна даже жестяная — из-под чая со слоном, ещё советская, с выцветшим логотипом. На каждой коробке — бирка с номером и кратким описанием. «Ска-терть, сбр.», «Клуб. указ.», «Сап. скор.». Никаких лишних подробностей. Ему они были не нужны. Он и так помнил всё, что и где у него стояло.

Справа, на длинном верстаке, лежали предметы, которые требовали осторожного обращения. Некоторые были накры-ты тканью — грубой мешковиной, которая скрывала очер-тания. Светин уже не обращал внимания на них. Знал, что под этой тканью, и знал, что лезть к ним без определённой подготовки — не стоит.

В центре, на отдельной полке, которую он сколотил соб-ственноручно, стояла лампа. Медная, потемневшая от вре-мени, с длинным узким носиком и круглым основанием. Ко-гда-то её пытались начистить — на боку виднелись слабые следы от тряпки, — но чистить полностью не стали. Лампа выглядела так, словно она не хотела блестеть. Она предпо-читала оставаться в тени и пыли.

Светин остановился напротив неё.

— Ну, здравствуй, — сказал он негромко.

Лампа промолчала. Вениамин Захарович и не ждал от неё ответа.

Свёрток он положил на верстак, освободив его от бечёвки. Внутри оказалась небольшая деревянная шкатулка с резной

крышкой. На ней был изображён глаз — открытый, без века, с точкой зрачка, уходящей вглубь дерева. Светин провёл пальцем по резьбе. Шкатулка была тёплой на ощупь, хотя на улице он продрог до костей. Она грела пальцы, словно внутри горела крошечная свеча.

— Вещь из Каппадокии, — произнёс он вслух, словно перед ним стоял невидимый экскурсант. — Точное происхождение неизвестно. Предположительно — сосуд для хранения душ. Или воспоминаний. Или того и другого. Продавец клялся, что внутри пусто. Я склонен ему верить, но проверять пока не буду.

Он убрал шкатулку на стеллаж, к другим коробкам. Табличку писать не стал — решил, что сделает позже, когда изучит её подробнее.

Вениамин Захарович присел на старый венский стул, который стоял в углу гаража. Сердце билось тяжело. Он знал, что это означает, но отгонял дурные мысли. Просто усталость. Просто возраст. Просто осеннее давление.

Он сидел и смотрел на свою коллекцию. Сорок три предмета. Сорок три истории, которые он вырвал из мифов, легенд и сказок. Не для того, чтобы обладать. Для того, чтобы сохранить. Мир стал слишком шумным, слишком быстрым, слишком скептическим и серьёзным. Люди перестали верить в чудеса, и волшебные вещи начали исчезать, словно вера была для них кислородом, чтобы дышать.

Светин верил в чудеса, волшебство и магию, поэтому ве-

щи приходили и оставались с ним. Где он их брал? По-разному. Что-то находил на раскопках, куда его приглашали как эксперта по реставрации. Что-то покупал у старьёвщиков, которые не понимали истинной цены своих товаров — такие находились и в двадцать первом веке, достаточно было знать нужные сайты и закрытые форумы. Что-то ему отдавали — люди, чувствовавшие в вещах странность, хотели избавиться от них. Светин всё принимал и сохранял.

Однажды Кротов столкнулся с ним у ворот. Светин как раз вносил коробку из-под обуви — в ней что-то позвякивало при каждом шаге, тонко и мелодично. Кротов посторонился, пропуская, и не удержался:

— Вениамин Захарович, вот я всё понять не могу. Вы столько лет сюда ходите. Каждую неделю что-то тащите. И ни разу ничего не вынесли. У вас там что — склад? Музей?

Светин остановился. Повернулся. Посмотрел на Кротова — не враждебно, а скорее оценивающе: достоин ли тот ответа?

— Склад, — сказал он наконец. — Музей. Архив. Как вам больше нравится.

— И что же вы там храните, если не секрет? — Кротов кивнул на коробку.

Светин чуть помедлил. Потом ответил:

— Вещи, которые не должны потеряться.

Кротов хмыкнул. Ответ был странным, но задавать новые вопросы почему-то расхотелось. Он только проводил стари-

ка взглядом и подумал: «Вот чудак. Тащит и тащит. А ради чего?»

Сам он когда-то тоже тащил — чертежи, расчёты, детали. Вечный двигатель. Идея, которая должна была перевернуть всё. Не сложилось. Чертежи давно пылились в сторожке, а сам Кротов давно перестал верить, что чудеса случаются. Может, поэтому он и не заглядывал в гараж к Светину. Боялся, что чуда там тоже может не найти — только старый старческий хлам.

Сердце у Вениамина Захаровича сжалось. Сильнее, чем когда-либо. Он охнул, схватился за грудь. Боль была не резкой, а давящей, словно кто-то медленно опускал ему на рёбра бетонную плиту. Он попытался вдохнуть глубже — не вышло. Воздух застрял где-то на полпути.

«Только не сейчас. Только не здесь», — подумал он.

Вениамин Захарович протянул руку к верстаку — просто чтобы опереться, — но пальцы соскользнули с края. Светин рухнул на пол, повернулся на бок. Перед глазами поплыло.

Гараж — его музей, его хранилище, его жизнь — начал медленно отдаляться, словно Светин смотрел на него через перевёрнутый бинокль. Коробки, ящики, плотная ткань, верстак, лампа. Всё уходило в тёмный тоннель.

Последнее, что он увидел — блик на медном боку лампы. Слабый, едва заметный. Как будто кто-то подмигнул.

А потом наступила тишина.

Степан Глебович Кротов нашёл его спустя два дня.

Старик не появлялся ни в среду, ни в четверг. Кротов бы и дальше не волновался — мало ли, приболел человек, но в пятницу позвонила соседка Светина. Сказала, что Вениамин Захарович не возвращался домой. Телефон не отвечает. Она волнуется.

Его гараж открыли запасным ключом, который хранился в сейфе у Степана Глебовича — таковы были правила кооператива на случай пожара или затопления. Кротов вошёл первым.

Светин лежал на полу, у стула. Лицо спокойное, руки сложены на груди, словно он прилёг отдохнуть. Кротов вызвал скорую — достал из кармана выдавший вида смартфон, ткнул дрожащим пальцем в экран. Бригада скорой помощи приехала быстро. Врач констатировал смерть — обширный инфаркт, мгновенно. Старик почти не мучился.

Пока санитары выносили тело, Кротов стоял в стороне и разглядывал гараж. Он видел его изнутри впервые за всё время. Двадцать с лишним лет. И вот теперь он внутри. Коробки. Ящики. Странные предметы под тканью. Медная лампа на полке.

Кротов решил сделать шаг к верстаку, но санитар окликнул его — нужно подписать бумаги. Кротов развернулся и вышел. Вечером, когда бригада уехала, он закрыл гараж на ключ и вернулся к себе в сторожку.

«Нужно было посмотреть», — подумал он, но руки так и не доходили. Ни на следующий день, ни через неделю,

ни через месяц. Когда уже прошло полгода — Кротов получил уведомление на электронную почту: задолженность по арендной плате за бокс номер 24 превысила допустимый порог. Договор расторгнут в одностороннем порядке. Имущество, находящееся в гараже, переходит в собственность управляющей компании.

Кротов тут же сел за стол, открыл свой ноутбук и зашёл на сайт аукционов. Долго и медленно он печатал одним пальцем, подбирая слова. Получилось так:

«Гаражный бокс номер 24. Продажа через аукцион. Содержимое включено в стоимость лота».

Он подумал и добавил:

«Состояние бокса удовлетворительное. Ретро-вещи от прежнего владельца».

Кротов тогда не знал, что в этот момент в тёмном гараже, на полке, которую сколотил покойный Вениамин Захарович, медная лампа едва заметно заблестела. И если бы кто-нибудь приложил к ней ухо, он услышал бы тихий, ожидающий вздох.

Гараж ждал нового хозяина.

Глава 1. Лот Номер 24

Объявление провисело на аукционном сайте две недели. Кротов заходил проверять его каждый день. Просмотры росли медленно: десять, двадцать, сорок. Заявок на гараж не приходило. Он уже начинал думать, что этот бокс никому не нужен — обычная история для старых кооперативов на окраине. Кому охота возиться с чужим хламом? Но за сутки до закрытия торгов кто-то сделал первую ставку. Пятнадцать тысяч — чуть больше того, сколько Кротов поставил в качестве начальной цены. Он хмыкнул, допив чай, и закрыл ноутбук. Дальше сайт аукциона сделает всё сам.

Когда до окончания оставалось четыре минуты — некий молодой человек, которого зовут Мирослав Нечаев, сидел на кухне своей съёмной квартиры, уткнувшись в экран ноутбука. Его чай остыл ещё полчаса назад, но он этого не замечал. Страница аукциона была открыта на лоте 24 — гаражный бокс в кооперативе «Рассвет». Начальная цена — пятнадцать тысяч рублей. Текущая ставка — двадцать одна. Это была его ставка.

На фотографиях гараж выглядел скромно. Стандартный бетонный бокс, облупившаяся краска на воротах, ржавый замок. Внутри, судя по снимкам, царил полумрак — фотограф явно не заморачивался с освещением. Полки, коробки, верстак, рядом — какой-то хлам, укрытый плотной тканью. На

одном снимке виднелся край медной лампы на полке, но Мирослав тогда даже не обратил на это внимания. Мало ли старья в гаражах. Он вообще не собирался покупать гараж. Изначально он искал мебель. Кому-то из клиентов понадобился старый дубовый стол «с историей», как выразился заказчик. Мирослав тогда хмыкнул: история у стола одна — на нём ели, пили и проливали то, что ели и пили. Но заказчик был платежеспособный, и Мирослав полез на аукционы.

Когда он просматривал сайт — на нём ему попался лот, который сразу пробудил интерес. Гараж с ретро-содержимым. Цена копеечная, даже с учётом его текущих финансов. Мирослав кликнул скорее на объявление из любопытства: что же такое продают? Фотографии были мутные, описание — ещё мутнее. «Состояние удовлетворительное. Ретро-вещи от прежнего владельца». Но он сделал ставку. Просто так. Импульсивно. Двадцать одна тысяча — не деньги. По крайней мере, раньше, когда у него была стабильная работа и стабильный поток клиентов. Когда он был психологом, а не перекупщиком гаражного барахла. Сейчас двадцать одна тысяча составляла почти половину его сбережений.

Мирослав покосился на часы в углу экрана. Три минуты. Сердце билось быстрее, чем ему бы хотелось. Он знал этот симптом — выброс адреналина, лёгкое головокружение, суетливое желание что-то сделать. В прошлой жизни он объяснял такое своим пациентам: «Это нормальная реакция на стресс. Дышите глубже». Теперь же он сам сидел с пересох-

шим горлом и ждал, перебьёт ли кто-нибудь его ставку, а может и нет. Никто не повышал.

— Ну, давай же, — прошептал он. — Кому там ещё нужен этот гараж... Кому вообще нужен гараж на окраине, набитый чужим старьём?

Две минуты.

Мирослав отхлебнул холодный чай. Поморщился. Вспомнил вдруг лицо своего последнего пациента — женщина средних лет с тревожным расстройством. Она приходила к нему каждую неделю в течение двух месяцев. А потом он уволился. Просто встал однажды утром и понял, что больше не может и не хочет слушать чужие проблемы. В тот же день — он написал заявление.

С тех пор прошёл почти год. Теперь он покупал и перепродавал старые вещи. Стулья, столы, серванты, книги, монеты, значки. Что угодно, лишь бы не возвращаться в душный кабинет, где пахнет потом, духами и антисептиком. Флиппинг — так это называлось. Ничего необычного. Никакого особого смысла он в это не вкладывал. Просто товар, цена, маржа.

Одна минута.

Экран мигнул. Ставка обновилась — двадцать пять тысяч. Кто-то повысил.

Мирослав тихо выругался. Пальцы сами ударили по клавиатуре. Двадцать шесть. Отправить. Секунды шли. Экран не обновлялся. Двадцать семь — поставил кто-то ещё. Мирослав стиснул зубы. Двадцать девять. Отправить.

До конца аукциона осталось тридцать секунд.

Пятнадцать.

Десять.

Экран мигнул зелёным.

«Поздравляем! Вы выиграли аукцион. Лот Номер 24 теперь ваш».

Мирослав откинулся на спинку стула. Двадцать девять тысяч. За старый гараж. Где-то на отшибе. С чужим хламом.

— Поздравляю, Мирослав, — сказал он вслух. — Ты иди от.

Но уголки его губ дёрнулись, изображая улыбку. Что-то в этом всё-таки было — обладать местом, о котором никто ничего не знает. Местом, где лежат вещи загадочного владельца гаража. Он снова перечитал описание лота. «Ретро-вещи от прежнего владельца». Кто был прежним владельцем? Почему он не вывез вещи? Умер? Уехал? В аукционе такие детали обычно не писали — просто продавали, и всё. Мирославу предстояло выяснить это самому.

На следующий день, ближе к вечеру, когда за окном сторожки уже сгущались октябрьские сумерки, Кротов снова открыл сайт. Ставок стало больше. Целых четыре. Последняя — двадцать девять тысяч рублей — горела зелёным. Лот 24 продан.

Он откинулся на спинку стула и зачем-то почесал затылок. Двадцать девять тысяч. Кто-то заплатил двадцать девять тысяч за старый гараж, набитый непонятно чем, каким-то

хламом. За вещи, которые он сам так и не удосужился осмотреть.

— Ну-ну, — пробормотал Кротов. — Посмотрим, что ты за птица.

Он закрыл ноутбук и принялся ждать.

Мирослав получил ключи спустя три дня. За это время он уже успел пожалеть о покупке несколько раз. Сначала — когда увидел, сколько денег осталось на карте. Потом — когда понял, что до кооператива «Рассвет» нужно ехать на двух маршрутках с пересадкой. Потом — когда прочитал отзывы о районе (гаражные кражи, плохое освещение, бродячие собаки). И наконец — когда вспомнил, что у него даже нет машины. Но утром пятницы он всё же стоял у ворот кооператива с ключами в кармане.

— Вы к кому? — раздался голос из сторожки.

Мирослав обернулся. Перед ним стоял мужчина лет шестидесяти, в старом ватнике и вязаной шапке, несмотря на плюсовую температуру. Лицо у него было с таким выражением, будто он только что откусил лимон и ещё не решил, выплёвывать его или жевать дальше.

— Я новый владелец бокса, номер 24. Купил на аукционе. Мужчина помолчал. Потом шагнул ближе.

— Кротов, — представился он без особого дружелюбия. — Степан Глебович. Управляющий. Покажете документы, которые подтверждают покупку?

Мирослав показал. Кротов изучил все бумаги вниматель-

но, вертя их так и эдак, словно надеялся увидеть подделку.

— Двадцать четыре, значит, — сказал он наконец. — Старица Светина гараж.

— Вы знали его?

— Знал не знал, скорее видел регулярно. Двадцать лет сюда ходил. Каждую неделю.

Кротов замолчал. В его глазах мелькнуло любопытство, может быть, даже, немного раздражение. Он явно хотел что-то добавить, но сдержался.

— Ну, владейте, — сказал он сухо. — Ключ у вас есть. Если что-то сломается — чините сами. Я вам тут не служанка. Ваши владения не обслуживаю.

Мирослав кивнул и пошёл по дорожке к своему гаражу.

Кооператив выглядел именно так, как он себе представлял. Ряды бетонных боксов, ржавые ворота, битый кирпич под ногами, редкие островки жухлой травы. В воздухе пахло бензином и сыростью. Где-то лаяла собака. У одного из гаражей мужик в промасленной куртке возился с карбюратором. Он бросил на Мирослава безразличный взгляд.

Бокс Мирослава, под номером 24, находился в дальнем ряду. Мирослав подошёл, вставил ключ в навесной замок. Дужка поддалась с неохотой, издав протяжный скрип. Ворота открылись тяжело, словно не хотели впускать нового владельца.

Мирослав шагнул за порог. Его глаза не сразу привыкли к полумраку. Он нащупал выключатель, нажал — голая лам-

почка под потолком зажглась, осветив помещение.

Первое, что он увидел — коробки. Десятки коробок на стеллажах. Картонные, фанерные, жестяные. На каждой — бирка с каким-то шифром.

Второе — верстак, заваленный предметами под мешковиной.

Третье — лампа. Медная, потемневшая, одиноко стоящая на центральной полке.

Мирослав оглядел всё это и тяжело вздохнул.

— Прямо, как я и думал — барахло, — сказал он вслух. — Я купил бесполезное барахло.

В коробках, насколько он мог судить по первому взгляду, лежали старые вещи. Какие-то свёртки, стеклянные банки, жестяные коробки. На верстаке — что-то громоздкое, укрытое тканью. Он приподнял край мешковины — под ней оказался старый керосиновый фонарь. Вернее, не фонарь, а что-то похожее. Металлическая клетка с тёмным стеклом внутри. Мирослав отдёрнул руку. От вещицы исходило странное ощущение — не тепло и не холод, а что-то среднее. Лёгкая прохлада. Будто воздух вокруг этой вещи был плотнее, чем в остальном гараже.

— Ладно, — пробормотал он. — Разберёмся.

Он не заметил, что лампа на полке едва заметно блеснула.

Первые два дня Мирослав в гараж не возвращался. Он занимался текущими заказами: отправил кому-то стул, договорился о продаже пары значков, съездил на почту. Гараж

всё это время стоял и ждал. Иногда Мирослав вспоминал про него — с великой досадой, как о самой неудачной покупке в его жизни. Двадцать девять тысяч рублей. На эти деньги можно было купить что-то полезное. Хотя бы тот же ноутбук, но поновее.

На третий день любопытство взяло верх.

Мирослав снова приехал в кооператив «Рассвет». Степан Глебович Кротов возился у своей сторожки. Когда он увидел Мирослава, то кивнул — уже не так сухо, как в первый раз, но всё ещё настороженно.

— Ну вот и вы, — сказал он. — Как вам ваша покупка? Есть какие-то планы по гаражу?

— На первый взгляд — обычный хлам. Для начала, я хочу разобрать все вещи. Посмотреть, что там вообще лежит.

Кротов хмыкнул.

— Ну-ну. Я двадцать лет наблюдал. Так ничего и не понял.

— Что вы имеете в виду?

Но управляющий уже отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Мирослав пожал плечами и направился к боксу.

В этот раз он пришёл подготовленным: взял фонарик, перчатки и пустой рюкзак — вдруг найдётся что-то ценное? Открыл ворота, включил лампочку. Ничего не изменилось. Те же коробки, тот же верстак, та же лампа на полке.

Он начал с коробок.

Первая, картонная, с биркой «Скатерть, сбр.». Внутри

действительно лежала скатерть — старая, льняная, с вышивкой по краям. Вышивка изображала что-то вроде колосьев, переплетённых с виноградными лозами. Мирослав развернул скатерть, осмотрел. Ткань была чистой, без пятен, словно ею ни разу не пользовались.

— Продать можно, — подумал он. — Ручная работа.

Он не знал, что эта скатерть не простая.

Вторая коробка — «Клуб. указ.». Внутри лежал клубок ниток. Обычный красный клубок, размером с кулак. Нити были грубыми, и толстыми. Таких он ещё никогда не видел. Мирослав покрутил клубок в руках. Ничего особенного. Нитки, да нитки. Но когда он положил его обратно, клубок слегка качнулся и покатился к краю коробки, словно кто-то его толкнул.

Мирослав замер. Подождал. Ничего. Клубок лежал неподвижно.

— Показалось, — сказал он себе. — Это просто неровное дно. Или я как-то рукой качнул.

Он закрыл коробку и перешёл к следующей.

Третья — жестяная, из-под чая. На бирке значилось «Сап. скор.». Внутри, бережно завернутые в газету, лежали сапоги. Кожаные, старомодные, с высокими голенищами. Они выглядели так, будто их сшили лет сто назад, но кожа была мягкой, не потрескавшейся, как будто только с магазина. Мирослав повертел один сапог в руках. На подошве были вытеснены какие-то символы — не буквы, а значки, похожие на

славянские руны.

— Интересно, — пробормотал он. — Но вряд ли дорого продам.

Он убрал сапоги обратно.

И тут его взгляд упал на лампу. Она стояла на полке, и в свете голой лампочки медь казалась почти чёрной. Но что-то в ней всё же было. Что-то его влекло к ней. Мирослав подошёл ближе. Лампа была старинной, очень и очень старой. Узкий, аккуратный носик, круглое основание, бока, покрытые патиной. Он протянул руку и коснулся её. Лампа была тёплой. Она не могла нагреться от лампочки, потому что та висела далеко. Она не могла нагреться от солнца — в гараж не просачивались лучи, на улице было облачно. Она была тёплой сама по себе, словно её подогрели на плите.

Мирослав отдёрнул руку.

— Чушь какая-то, — сказал он. — Лампа тёплая, или мне просто показалось.

Он отошёл от полки, но странное чувство внутри не исчезло. Ему казалось, что лампа смотрит на него и зовёт.

Мирослав быстро собрал свои вещи и ушёл. Ворота закрыл на замок. Проходя мимо сторожки, заметил, что Кротов провожает его взглядом.

— Что-то нашли? — спросил управляющий.

— Пока нет. Обычные старые вещи.

Кротов посмотрел с ещё большим подозрением, прищурив глаза.

Мирослав кивнул ему и пошёл к остановке. Всю дорогу домой он думал про лампу. О том, какие чувства она в нём начала вызывать.

— Завтра нужно снова вернуться в гараж, — пробормотал он себе под нос, — что-то в этом гараже не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.